

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-218-232

Научная статья / Research article

«Достояние нации», или Станет ли ресурсный национализм политической доктриной современной Монголии?

А.В. Михалев

*Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
Улан-Удэ, Российская Федерация*
 e-mail: mihalew80@mail.ru

Аннотация. В эпоху постсоциализма в Монголии получила распространение идеология ресурсного национализма, которая имеет все шансы стать общегосударственной. Под ресурсным национализмом в данной работе понимается широкий спектр стратегий, которые местные элиты используют для увеличения своего контроля над природными ресурсами, — определение Пола Домжана и Мэтта Стоуна. Автор на основе анализа юридических документов, материалов региональных массмедиа и политических риторик пришел к выводу о том, что истоки ресурсного национализма следует искать в текстах эпохи строительства социализма, а также в понимании справедливости в то время. Представления о природных ресурсах как о народном достоянии оказались прочно закреплены в массовом сознании, а современные националисты обосновали их с позиций «крови и почвы». Это создает серьезные проблемы для Монголии, поскольку она является страной с сырьевой экономикой. Дело в том, что экономический рост, обусловленный иностранными инвестициями, вызвал глубочайшее социальное расслоение. В свою очередь это породило запрос на справедливое распределение прибыли, получаемой от добычи природных ресурсов, являющихся национальным достоянием. В политической сфере достаточно быстро сформировался ответ на этот запрос в виде риторики ресурсного национализма. В статье отмечается, что ресурсный национализм в Монголии по сей день так и не оформился в четкую правовую или политическую доктрину. Сегодня он представляет собой набор актуальных популистских риторик, которые используются как для продвижения будущих политических решений в добывающей отрасли, так и для легитимизации уже принятых.

Ключевые слова: ресурсный национализм, постсоциализм, риторики, природные ресурсы, нация, право

© Михалев А.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Михалев А.В. «Достояние нации», или Станет ли ресурсный национализм политической доктриной современной Монголии? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 218–232. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-218-232>

‘Property of the Nation’ — Resource Nationalism to Become a Political Doctrine in Contemporary Mongolia?

Alexey V. Mikhalev

Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation

 e-mail: mihalew80@mail.ru

Abstract. The proposed paper is a study of resource nationalism. Resource nationalism appeared in Mongolia in the post-Socialist period. In this paper, we understand resource nationalism as a wide spectrum of strategies domestic elites employ in order to increase their control of natural resources — definition by Paul Domjan and Matt Stone. After an analysis of legal materials, mass media articles and political rhetoric, the author of this paper concludes that the sources of resource nationalism should be searched in the texts that date back to the Socialist era. Also, the sources of resource nationalism can be found in the ideas about justice of those times. The idea that natural resources belong to the people has been fixed in mass opinion, while contemporary nationalists justify this idea from the standpoint of “blood and soil”. That creates serious problems for Mongolia, a country with resource economy. The matter is that economic growth driven with foreign investments has caused a deep social stratification. In its turn, social stratification gave birth to a social demand for fair profit distribution from natural resource extraction. In the political sphere, this social demand quickly received a reaction — in the form of resource nationalism rhetoric. In the paper, we notice that resource nationalism in Mongolia has not been formed as a vivid legal or political doctrine. Today, it is a set of populist rhetoric of current interest which are used both for lobbying future political decisions in mining and for legitimizing the decisions already made.

Keywords: resource nationalism, post socialism, rhetoric, natural resources, nation, law

For citation: Mikhalev, A.V. (2023). ‘Property of the nation’ — resource nationalism to become a political doctrine in contemporary Mongolia? *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 218–232. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-218-232>

Введение

Постсоциалистическая Монголия за тридцать лет развития по пути демократических реформ стала одной из ведущих стран — экспортеров природных ресурсов в Северо-Восточной Азии. К 2011 г. эта страна показала один из самых высоких в регионе темпов увеличения ВВП — 17,3 % [Ganbold, Ali 2017: 4]. Причины такого быстрого роста принято видеть как в расширении горнодобывающей отрасли, так и в привлечении иностранных инвестиций. В этих условиях трансформировался и монгольский национализм, преодолевший антисовет-

ский пафос начала 1990-х гг. и оформившийся в идею нации-рантье, живущей за счет «природной ренты» [Jackson 2015]. Подобные представления достаточно прочно укоренились в обществе и начали влиять на политику. На фоне этого знаковым событием стало достижение консенсуса в январе-феврале 2022 г. между правительством этой страны и транснациональной корпорацией Rio Tinto относительно прибыли (роялти) с месторождения цветных металлов Оюу Толгой.

Эволюция ресурсного национализма в Монголии

Летом 2017 г. в Монголии прошли президентские выборы. Тональность политической риторике тогда задавали популистские лозунги об экономической независимости страны и «обвинения» друг друга в наличии китайских корней, но едва ли не главной темой политической повестки стал вопрос об иностранных предприятиях, работающих в добывающей отрасли. Претензии к этим корпорациям свелись к двум основным вопросам:

1. Допустимо ли разрешать иностранцам разрабатывать национальные месторождения?
2. Справедливо ли распределяется прибыль, полученная иностранными инвесторами от добычи природных ресурсов?

Эти идеи принято называть «ресурсным национализмом», под которым, согласно предложенному Полом Домжаном и Маттом Стоуном определению, понимается широкий спектр стратегий, используемых местными элитами для увеличения своего контроля над природными ресурсами. Домжан и Стоун объясняют ресурсный национализм с практической точки зрения и утверждают, что он включает в себя установление государственного контроля над природными ресурсами после того, как в горнодобывающие проекты была вложена большая часть инвестиций с последующим полным исключением иностранного участия [Domjan, Stone 2010: 38]. Тем не менее определений ресурсного национализма существует множество. Каждая из этих дефиниций акцентирует внимание на какой-либо одной его значимой черте, будь то увеличение размера государственной доли в добывающей отрасли, или на специфике локальной политической культуры. Тем не менее в данной работе мы опираемся на дефиницию П. Домжана и М. Стоуна [Domjan, Stone 2010: 38].

В представленной статье мы предпринимаем попытку проанализировать особенности «ресурсного национализма» в Монголии как политической риторики. Акцент в исследовании делается именно на многообразии политических смыслов, так как в качестве доктрины этот комплекс идей пока еще не оформлен. Эмпирическими материалами для исследования послужили политические высказывания, воспроизводящиеся в публичном пространстве Монголии, и связанные с ними события, которые оцениваются в региональных массмедиа в целом как проявления ресурсного национализма. В основу этой статьи также легли материалы нескольких проектов, проведенных автором по тематике нелегальной добычи золота в Монголии (в 2014 г.), а также по анализу борьбы за энергетический суверенитет этой страны (в 2019 г.). Это позволило автору

сформировать определенное фоновое представление о политических трендах в Монголии 2010–2020-х гг. Именно в ходе разработки вышеуказанных тем возникла идея проанализировать сущность феномена ресурсного национализма на примере отдельно взятой страны. Кроме того, в рамках данного исследования были проанализированы юридические документы, регулирующие отношения в ресурсодобывающей отрасли, а также материалы личных наблюдений автора, участвовавшего в качестве наблюдателя в целом ряде общественных слушаний по вопросам природной ренты (в 2014 и 2017 гг.).

Рабочей гипотезой данного исследования стало предположение о взаимосвязи между идеями «ресурсного национализма» и наследием социалистической идеологии о природных ресурсах как «достояния нации». Схожие тенденции на постсоветском пространстве анализировались нами на примере Кыргызстана и Таджикистана [Михалев, Рахимов 2023]. Это утверждение позволяет рассматривать современные монгольские реалии все еще в контексте исследований постсоциализма.

Здесь же нужно сказать о том, что монгольский ресурсный национализм все еще требует подробного изучения. Есть статьи о ресурсной политике Д. Бумочира [Bumochir 2020], М. Ганболда [Ganbold, Ali 2017], С. Джексона и О. Майдар [Mydar, Jackson 2019]. Это прежде всего политические, географические и экономические работы, анализирующие разные аспекты современного развития страны и обращающие внимание на растущее влияние ресурсного национализма. Однако специальной работы, описывающей истоки и природу данного явления в условиях Монголии, на сегодняшний день нет.

Говоря о хронологии развития идеи, мы ограничиваем рамку последними десятью годами, так как именно на них приходится не столько экономический рост, сколько бурные политические дискуссии вокруг него и законодательная активность в этой области. Впервые об изучаемом нами феномене, назвав его экономическим национализмом, написал в 2008 г. Ариэль Коэн¹, который провел компаративный анализ экономической политики в Центральной Азии, включая Монголию. С того времени наименование монгольской политики в добывающей отрасли в трудах исследователей неоднократно менялось, и к 2017 г. устоялось понятие ресурсного национализма. При этом дефиниции этого термина, на которые опираются ученые, используются самые разные.

Этот плюрализм открывает широкие возможности для рефлексии, поскольку сам феномен постоянно меняется. Еще недавно ресурсный национализм на уровне популистских риторик в Монголии сводился к идее нации-рантье, живущей за счет природной ренты, или минеральной нации, согласно терминологии Сары Джексона [Jackson, 2015: 437–456]. Однако сегодня это уже целый комплекс идей, зачастую взаимоисключающих друг друга, сконцентрированных вокруг права распоряжаться главным достоянием нации — недрами стра-

¹ Коэн А. В Монголии нарастает экономический национализм, способный негативно сказаться на западных инвесторах. URL: <https://russian.eurasianet.org/node/57069> (accessed: 15.09.2022)

ны. Не исключено, что в обозримом будущем содержание политических заявлений вновь изменится, что при многообразии академических дефиниций еще больше запутает и без того сложный предмет исследования.

Ситуация постсоциализма: от дотационного хозяйства к сырьевой экономике

В кочевом обществе на окраине бывшей империи Цин на протяжении 70 лет предпринимались попытки построения социализма, и едва ли не основной их задачей было формирование индустрии и промышленного пролетариата. Коллективизация кочевых хозяйств, форсированная урбанизация и индустриализация стали основой колоссального социального эксперимента по преобразованию монгольского общества [Sanders 1968]. Следует отметить, что исторически Монголия была второй в мире страной «победившего социализма» и шла по этому пути дольше других стран Восточного блока (кроме СССР). Монголия не просто не была сырьевым придатком СССР, скорее, напротив, являлась одним из крупнейших бенефициаров в СЭВ. Масштабы оказанной ей безвозмездной помощи (в военно-политических целях) по сей день остаются самыми крупными в истории всего Восточного блока [Михалев 2014: 177–179].

За это время советские ученые и геологи совместно с монгольскими коллегами разведали большую часть месторождений природных ресурсов этой страны. Были найдены месторождения нефти, золота, серебра, меди, молибдена, вольфрама, угля, урановой руды. Во многом данная активность в области геологоразведки была продиктована идеологическими задачами по трансформации общественно-экономического уклада страны и по укреплению экономики приграничных с КНР регионов. В период строительства социализма СССР инициировал разработку медно-молибденового месторождения в междуречье рек Селенга и Орхон, где в 1972 г. был основан город Эрдэнэт. В 1981 г. Советский Союз начал секретную разработку уранового месторождения Эрдэс, в районе которого был построен закрытый населенный пункт Мардай [Delaplace 2012]. Эти два горно-обогачительных комбината заложили основу добывающей индустрии в Монголии.

После демократической революции зимы 1989–1990-х гг. начался процесс десоветизации и построения рыночной экономики. Монголия по образцу стран Восточной Европы провела приватизацию (в том числе скота) и «шоковую терапию». Выбрав основой либеральную экономическую политику, страна вступила в XXI век открытой для иностранных инвесторов, имея эффективно работающую так называемую промышленность группы Б — производство кашемира, мясомолочных продуктов, дубленок и изделий из натуральной кожи. Однако бурный экономический рост в соседнем Китае сформировал спрос на природные ресурсы. Это породило рост иностранных инвестиций в эту отрасль, начавшийся в 2005 г. [Vumochir 2020: 21–24]. На раннем этапе флагманом развития стала золотодобыча. Легальная, полуполюгальная и индивидуальная добыча золота породила новые виды занятости, особый теневой сегмент рынка. Характеризуя сло-

жившуюся ситуацию, лидер «Зеленой партии» М. Чулуундорж в одном из интервью отметил: «Вроде бы прошла в 1990 году демократическая революция, но не было демократических преобразований. Ни в одной стране не было такого, кроме Монголии, что после демократической революции, после свободных выборов, продолжала править прежняя партия, как ни в чем не бывало. Лидеры революции, а скорее переворота, говорили об истинном марксизме-ленинизме и о социализме Дэна Сяопина. И началось уничтожение всего, что называлось завоеваниями социализма. Власти призвали всех стать челночниками, распродать все ценное за гроши и раздавали дипломатические паспорта. Не осталось ни социализма, ни капитализма»².

Вторым сектором стала добыча угля (легальная и нелегальная), также охватившая значительную часть населения Монголии. Продажа в Китай угля и золота обеспечила сотни домохозяйств (гэр) страны относительно стабильным источником дохода [Михалев 2014]. На уровне международных СМИ название страны зачастую иронично трансформировалось в *Minegolia* [Bulag 2009]. Нелегальная добыча природных ресурсов и их скупка за бесценок иностранными фирмами для перепродажи усилили ксенофобию и общественный скепсис относительно сотрудничества с иностранными корпорациями. Расширение площади разработки месторождений ресурсов, помимо расширения теневого сектора, привело к сокращению пастбищ. В сущности, весь постсоциалистический период в истории этой страны можно охарактеризовать как вытеснение кочевого скотоводства добычей природных ресурсов. Этот процесс К. Хамфри патетически охарактеризовала «концом номадизма» [Humphrey, Sneath 1999]. В 2011 г. это привело к акции протеста скотоводов, блокировавших центр города. Этот протест в защиту традиционных способов хозяйствования получил поддержку экологических группировок, таких как «Гал үндэстэн» (лидер Ц. Мунхбаяр). Основным требованием к руководству страны стало выполнение закона «О запрещении разведки и добычи полезных ископаемых в истоках рек, в водоохраных зонах и на лесных землях» (неофициальное название «Закон с длинным именем»)³.

В 2013 г. активисты «Гал үндэстэн» и несколько сочувствующих, требуя исполнения законодательных норм, попытались с оружием ворваться в здание Великого Государственного Хурала. Во время потасовки с полицией был произведен одиночный выстрел. Впоследствии арестовали девять лидеров оппозиции. Полиция заявила, что изъяла у демонстрантов три огневых оружия, включая пистолет Макарова и автомат Калашникова, 36 пуль и 9 гранат. На следующий день правоохранители вынули из мусорных баков в центре столицы тротилловые шашки. Данные действия были квалифицированы по статье терроризм, а участников противоправных действий осудили на длительные сроки лишения

² Чулуундорж М. Власти призвали всех стать челночниками. URL: <http://asiarussia.ru/persons/1941/> (дата обращения: 15.09.2021)

³ Гол, мөрний урсац бүрэлдэх эх, усны сан бүхий газрын хамгаалалтын бүс, ойн сан бүхий газарт ашигт малтмал хайх, ашиглахыг хориглох тухай [О запрещении разведки и добычи полезных ископаемых в истоках рек, в водоохраных зонах и на лесных землях]. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/223> (accessed: 15.09.2022).

свободы. Однако в 2015 г. лидер «Гал үндэстэн» был освобожден по амнистии. Данное решение было связано с тем, что население Монголии симпатизировало Мунхбаяру, одному из наиболее харизматичных лидеров экологической оппозиции, а само уголовное дело получило масштабный резонанс.

В интервью российскому portalу APД лидер монгольской «Зеленой партии» М. Чулуундорж в 2014 г. дал оценку описанным выше протестам: «В сентябре прошлого года активисты — экологи во главе с Цэцэгийн Мунхбаяром — организовали акцию, где символично демонстрировали ружья, они были осуждены на 21 с половиной год каждому за терроризм, что вызвало бурю негодования. А правители непримиримо проводят антинародную политику, на днях они предложили меры против многопартийной системы, замену местных администраций на неправительственные организации, намереваясь аннулировать государственные власти за чертой столицы, создать город-государство Улан-Батор, где сконцентрирована половина населения Монголии. А город задыхается от дыма юрточных трущоб и ожидает сильнейших сейсмических ударов, причинами которых, возможно, является чрезмерная активность геологоразведки и добычи полезных ископаемых»⁴.

Несмотря на протесты экологов, в итоге в стране все же была создана так называемая сырьевая экономика. По итогам 2020 г. на горнодобывающий сектор пришлось 22 % ВВП при том, что уровень жизни в Монголии существенно не вырос [Ganbold, Ali 2017: 4–5]. К 2021 г., после целого ряда политических решений, единственным предприятием, напоминающем об эпохе социализма, остается Улан-Баторская железная дорога. Являясь совместным предприятием, она символизирует российское присутствие и определенную историческую преемственность, в то время как повторная разработка Мардая «Росатомом» началась в XXI в. практически заново. Эти два новых примера на фоне масштабных проектов по разработке угля в месторождении Таван-Толгой и цветных металлов в Оюу Толгой лишь демонстрируют полный разрыв с экономикой прошлого. Новая эпоха ознаменовала относительную либерализацию экономики и масштабное привлечение иностранных инвестиций [Ganbold, Ali 2017]. Одним из лидеров в этой сфере стал Китай, что привело к масштабным антикитайским настроениям, ярко проявившимся в ходе президентских выборов 2017 г. [Бураев, Родинов 2017].

Изменение нормативного поля или path dependence?

Идеи ресурсного национализма, на наш взгляд, берут свое начало как в социалистическом праве, так и в представлениях о справедливости того времени. Сформированные в тот период стереотипные суждения о нации и национальных правах, претерпев определенные изменения, актуальны и по сей день. На уровне формулировок в монгольском языке, так же как и в русском, термины

⁴ Чулуундорж М. Власти призвали всех стать челночниками. URL: <http://asiarussia.ru/persons/1941/> (accessed: 15.09.2022).

народ (ард) и нация (үндэстэн) различаются [Szmyt 2012]. В статьях конституции 1992 г. прослеживается значительная рецепция категорий эпохи социализма — народ Монголии, власть народа и т. д.

Что же касается конституционно закрепленных норм, касающихся природных ресурсов, то интересно сравнить соответствующие статьи основного закона 1960 и 1992 гг. Так, в последней конституции времен строительства социализма 1960 г. в статье 10 написано: «Земля и ее недра, леса, воды и их богатства, государственные фабрики, заводы, шахты, рудники, электростанции... являются собственностью государства, то есть всенародным достоянием» [Amarsanaa 2009]. Учитывая, что Монголия в тот момент находилась в зоне влияния СССР, ее правовое поле также копировало конституции союзных республик. Аналогичные формулировки можно встретить в одиннадцатых статьях конституций Киргизской ССР, Узбекской ССР, Казахской ССР, Туркменской ССР, Таджикской ССР [Михалев, Рахимов 2023: 158].

В конституции 1992 г. в статье 6 закреплена следующая норма: «Земля, ее недра, леса, воды, животные, растительные и другие богатства природы Монголии принадлежат только народу и находятся под защитой государства. Вся земля, не переданная в частную собственность гражданам Монголии, недра земли, их богатства, леса, воды, животный и растительный мир являются государственной собственностью. Земля, за исключением пастбищ, земельных наделов общественного и специального государственного пользования, может быть передана в частную собственность только гражданам Монголии. Это не относится к недрам Земли. Гражданам Монголии продажа, обмен, дарение, закладывание под залог земель, находящихся в их частной собственности, иностранцам и лицам без гражданства запрещается. Запрещается также передача земли во временное пользование другим лицам без разрешения соответствующих органов государственной власти» [Amarsanaa 2009].

Говоря о правовых нормах, хотелось бы отметить постоянную изменчивость монгольского законодательства, особенно на уровне соглашений с крупными корпорациями в области увеличения доли государства в прибыли. С одной стороны, это связано с давлением лобби транснациональных корпораций, а с другой — со все больше набирающим силу популизмом. В итоге в правовом поле получается почти «маятниковая ситуация». Так, разразившийся в феврале 2021 г. правительственный кризис, повлекший отставку кабинета министров, был вызван тем, что правительство инициировало отмену и пересмотр соглашения с австралийско-британской добывающей компанией Rio Tinto.⁵ Поскольку государство не получало никаких иных доходов с разработки месторождения

⁵ Rio Tinto — одна из старейших в мире добывающих транснациональных корпораций, основана в 1873 г. В конце 1880-х гг. контроль над фирмой перешел к семье Ротшильдов, которые увеличили масштабы добычи полезных ископаемых. В процессе своего существования пережила несколько слияний и поглощений. В 2020 г. Rio Tinto заняла 114-е место среди крупнейших публичных компаний мира.

цветных металлов, кроме налогов и роялти, политики выдвинули идею перезаключить контракт. Решения о пересмотре контрактов неоднократно предпринимались начиная уже с 2013 г. При этом в 2015 г. Rio Tinto добилась заключения для себя крайне выгодного контракта, по условиям которого часть ее долгов перекладывается на государство, а налог на прибыль не будет взиматься до 2047 г. [Lander 2013].

Пример Rio Tinto является примером несовершенства нормативной базы, регулирующей права на разработку полезных ископаемых. Опираясь то на конституцию, то на законы, то на договоры, институциональная рамка постоянно меняется. При этом в пункте 4 статьи 10 Конституции страны декларируется следующее: «Монголия не будет следовать международным актам и договорам, противоречащим Конституции Монголии» [Amarsanaa 2009]. Постоянная изменчивость нормативных рамок обосновывается национальными интересами страны, которые ущемляются иностранными корпорациями. В ряде случаев это приводило к репутационным проблемам на международном уровне, однако в целом не оказало почти никакого влияния на ситуацию [Бураев, Родионов 2017: 29].

В данном разделе статьи мы постулируем тезис об отсутствии в монгольской политике и праве какой-либо четкой доктрины, регулирующей отношения с иностранными игроками в горнодобывающем секторе. Более того, мы подчеркиваем изменчивость норм и их конъюнктурность. Черты ресурсного национализма прослеживаются лишь на уровне отдельных законов, которые могут быть двояко интерпретированы. Однако возникает вопрос, что же позволяет говорить о ресурсном национализме как о некоем наборе политических идей? Ответ на него мы попытаемся сформулировать в следующем разделе.

Ресурсный национализм: политическая риторика и инструмент легитимизации

Политические высказывания, призывающие правительство принять меры по повышению отдачи в ресурсодобывающей отрасли, носящие откровенно националистический характер, в 2021 г. стали не так популярны, как в начале 2010-х гг. Однако лишь несколько лет назад ситуация выглядела совершенно иначе. Политики самого разного уровня обсуждали перспективы близящейся «эпохи благоденствия» по образцу экспортирующих нефть ближневосточных монархий. Идею победы коммунизма сменила мечта о нации-рантье, а также об энергетическом суверенитете. Последний предполагает создание посредством строительства каскада ГЭС и нефтеперерабатывающих заводов абсолютно автономной топливно-энергетической системы. Важно отметить и то, что наиболее влиятельная политическая сила страны — Монгольская Народная Партия, отметившая в 2021 г. свое столетие, является непосредственной преемницей Монгольской народно-революционной партии, осуществлявшей управление страной на протяжении 70 лет социалистического строительства [Smith 2020: 107–116].

В сентябре 2008 г. две ключевые партии: МНП и Демократическая партия — заключили соглашение, в котором отмечалось: «Каждый монгол будет ежегодно получать не менее 1,5 млн тугриков природной ренты⁶. Правительство Монголии будет выделять эту сумму каждому гражданину страны из доходов от добычи и переработки полезных ископаемых» [Vumochir 2020]. Создав коалиционное правительство, ключевые партии лишь частично выполнили свои предвыборные обещания. С 2011 г. выплаты природной ренты решением правительства Монголии были повышены. Разовая выплата 2011 г. составила 55 USD, в то же время в стране была введена и более регулярная рента, но более скромного масштаба (16 USD) [Башкуев 2012:52]. Значительную часть этих выплат планировали выплачивать детям. Это позволило на какое-то время консолидировать население страны вокруг новой национальной идеи — нации-рантье.

Впоследствии правительство Монголии учредило еще один фонд для сбора доходов от добычи полезных ископаемых. Созданному в 2010 г. Фонду развития человеческого потенциала было поручено запустить новые программы денежных переводов, чтобы заменить выплаты, ориентированные на детей, в гораздо большем масштабе. Новая программа заменила ежегодные платежи в размере 120 000 тугриков на ежемесячные платежи в размере 21 000 тугриков на человека в период с 2010 по 2012 г. Соответственно, переводы были названы «подарками и акциями», чтобы имитировать предвыборные обещания обеих сторон. В 2012 г. пожилые люди получили дополнительную единовременную выплату в размере 1 млн тугриков⁷ [Vumochir 2020].

В 2012 г. правительство Монголии ужесточило условия для работы иностранных компаний в стратегических отраслях экономики, в том числе в добывающей отрасли. Это ужесточение норм на уровне СМИ было интерпретировано как проявление ресурсного национализма. Разные точки зрения сошлись на том, что стремление упорядочить правила для иностранных инвесторов связано с победой национально ориентированных политиков над транснациональными корпорациями. В результате некоторые компании свернули деятельность в Монголии. На тот момент риторика о «национальном достоянии» и «справедливой прибыли» послужила инструментом легитимизации целого ряда экономических решений.

Однако к выборам 2017 г. недовольство размерами выплат возросло настолько, что подобные обещания запретили законом. В частности, в закон «О выборах Президента» в статью 33 был внесен пункт 33.2.2, который гласит: «Запрещается включать в предвыборную платформу пункты о предоставлении гражданам любых пожертвований, процентов и иных эквивалентов от доходов

⁶ Около 33 тыс. рублей по курсу 2008 г.

⁷ Namkhajantsan D., Mihalyi D. Mining Lessons From Mongolia's Many Revenue-Sharing Experiments. URL: <https://resourcegovernance.org/blog/mining-lessons-mongolia-revenue-sharing-experiments> (accessed: 15.09.2022).

горнодобывающей, нефтяной, минерально-сырьевой и других отраслей, а также из государственного и местных бюджетов»⁸. Аналогичные поправки были внесены в «Закон о выборах», и с этого момента на всех уровнях монгольского электорального цикла обещания «природной ренты» категорически запрещены (пункт 37.3.2)⁹.

Это произошло в результате того, что низкий уровень жизни в стране привел к трансформации национальной идеи в новую форму электоральной коррупции. Выборы начали превращаться в аукцион обещаний по увеличению выплат ренты с прибылей ресурсодобывающих предприятий. Груз невыполненных обещаний, связанных с увеличением ренты, со стороны различных политических сил увеличился до таких объемов, что возник кризис доверия к действующей власти, которая в итоге запретила политическим партиям использовать данную риторику. Миф о «минеральной нации» перестал быть действенным инструментом политической мобилизации.

Однако дискурс ресурсного национализма остался тесно связанным с представлениями о национальной безопасности. Так, в 2017 г. монгольский аналитик Д. Ганхуяг в интервью российскому медиапорталу АРД заявил: «На самом деле в Монголии очень мало людей, которые не могут без иностранных инвестиций. Большинство монголов требуют только самые простые вещи, имеющие хотя бы „запах“ справедливости. В резолюции № 1803 от 1962 г. Генеральной Ассамблеи ООН сказано: „Право народов и наций на неотъемлемый суверенитет над их естественными богатствами и ресурсами должно осуществляться в интересах их национального развития и благосостояния населения соответствующих государств“¹⁰. Многие иностранцы и определенная группа монголов, предавшая свои национальные интересы, совместно пренебрегают нашими национальными интересами. И это поддерживает и пропагандирует вполне определенная группа монголов»¹¹. Приведя целый ряд примеров, Ганхуяг выступил за экономическую автаркию банковской, энергетической и ресурсодобывающей отраслей экономики страны. На данный момент это едва ли не единственная попытка обосновать политику ресурсного национализма в Монголии, которая опирается на примеры из современной истории и представляет его как позитивное явление мирового масштаба.

На наш взгляд, отсутствие в Монголии четкой политической доктрины, которую можно было бы охарактеризовать как противостоящую ресурсному

⁸ Монгол Улсын Хууль «Монгол улсын ерөнхийлөгчийн сонгуулийн тухай» [Государственный закон Монголии «Выборах Президента»]. URL: <https://old.legalinfo.mn/law/details/15826> (accessed: 15.09.2022).

⁹ Монгол Улсын Хууль «Аймаг, нийслэл, сум, дүүргийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурлын сонгуулийн тухай» [Государственный закон «О выборах граждан в представительные органы аймаков, районов, поселений и столицы»]. URL: <https://old.legalinfo.mn/law/details/15125?lawid=15125> (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁰ Резолюция № 1803 от 1962 г. Генеральной Ассамблеи ООН. URL: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/ga_1803/ga_1803_ph_r.pdf (дата обращения: 15.09.2022)

¹¹ Ганхуяг Д. Ресурсное проклятие. Почему Монголией до сих пор правят дураки и мошенники. URL: <http://asiarussia.ru/articles/18049/> (дата обращения: 15.09.2022).

национализму, открывает возможность для масштабных популистских заявлений. Многие из них публикуются в ведущих международных изданиях и влияют на фондовые рынки, поскольку угроза полной национализации той или иной отрасли экономики или предприятия видится слишком реалистичной. Вслед за этим биржевые игроки используют фактор этой весьма несистемной угрозы для спекуляций на биржевых активах горнодобывающих предприятий Монголии.

Заключение

Ресурсный национализм в Монголии представляет собой набор риторик, используемых политиками самой разной ориентации для достижения своих целей. Популярность принципов этого вида национализма обусловлена унаследованной со времен строительства социализма преемственностью в понимании права на землю и ресурсы. При описании проблем бедности и неравного распределения доходов его сторонники в основном опираются на вульгаризированные категории исторического материализма. Важно сказать, что ресурсный национализм менее всего связан с попытками постколониального осмысления развития Монголии и в большинстве случаев идет с ними в разрез. Хотя все же не исключено, что в ближайшем будущем постколониальные риторики станут востребованы и в дискуссиях о природных ресурсах.

Ресурсный национализм в изучаемой нами стране на протяжении последнего десятилетия постоянно менялся. Идеи национализации совместных предприятий сменяли проекты нации-рантье, а впоследствии и законодательные ограничения деятельности иностранных инвесторов. В сущности, подобные заявления отвечают общественному запросу на популизм, который в условиях господства «сырьевой экономики» приобретает соответствующие формы. В то же время отсутствие какой-либо согласованной позиции в отношении статуса иностранных корпораций обусловлено тем, что ксенофобские суждения не принадлежат какой-либо определенной политической силе, а используются самыми разными группам влияния в зависимости от конъюнктуры.

Как ранее уже отмечалось, идея связывать добычу природных ископаемых и национальные интересы существует не только в Монголии, но и в республиках постсоветской Центральной Азии. В Улан-Баторе же принято апеллировать к примеру этих стран, хотя наиболее убежденные адепты ресурсного национализма склонны описывать его как всемирный тренд. Подобный масштаб наводит на мысли об аналогии со всемирно-историческими проектами предыдущей эпохи, которые просто заменили на новые, более соответствующие современному положению вещей. В итоге ресурсный национализм, так и не оформленный в экономическую, правовую или политическую доктрину, остается набором идей, которые используются в популистских целях. Однако невозможно с полной уверенностью сказать,

что в ближайшем будущем какая-либо из политических сил не сформулирует соответствующую доктрину — идеологическую основу претензий на власть или собственность в этой стране.

Поступила в редакцию / Received: 17.06.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 21.11.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.12.2022

Библиографический список

- Башкуев В.Ю.* «Ресурсный бум» и современные вызовы стратегиям развития Монголии (по материалам западной научной периодики и СМИ) // *Культурное наследие народов Центральной Азии*. Вып. 3, Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2012. С. 50–60.
- Бураев Д.И., Родионов В.А.* Выборы президента Монголии — 2017: внешнеполитические аспекты // *Проблемы Дальнего Востока*. 2017. № 5. С. 26–31.
- Михалев А.В.* Повседневность экономического национализма, или Кому принадлежит золото Монголии? // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014. № 5 (17). С. 177–191.
- Михалев А.В., Рахимов К.К.* Центральная Азия и борьба за советское наследие // *Россия в глобальной политике*. 2023. № 1 (119). С. 153–162.
- Энхтувшин Б., Курас Л.В., Цыбенев Б.Д.* Глобализация и традиционное скотоводство монгольских кочевников // *Гуманитарный вектор*. 2013. № 4 (36). С. 235–243.
- Amarsanaa J.* *Constitutionalism and Constitutional review in Mongolia*. Ulaanbaatar: National Legal Institute Press, 2009.
- Bulag U.E.* *Mongolia in 2008: From Mongolia to Mine-golia* // *Asian survey*. 2009. № 49 (1). P. 129–134.
- Bumochir D.* *The State, Popular Mobilisation and Gold Mining in Mongolia. Shaping ‘Neoliberal’ Policies*, London: UCLPress, 2020.
- Delaplace G.* *Neighbors and their Ruins: Remembering Foreign Presences in Mongolia. Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border*, London: Open book publishers, 2012. P. 211–234.
- Domjan P., Stone M.* *A Comparative Study of Resource Nationalism in Russia and Kazakhstan 2004–2008* // *Europe-Asia Studies*. 2010. № 1 (62). P. 35–62.
- Ganbold M., Ali S.H.* *The peril and promise of resource nationalism: A case analysis of Mongolia’s mining development* // *Resources Policy*. 2017. № 1. P. 1–11.
- Humphrey C., Sneath D.A.* *The End of Nomadism? Society, State, and the Environment in Inner Asia*, Durham: Duke University Press, 1999.
- Jackson S.L.* *Imagining the mineral nation: Contested nation-building in Mongolia* // *Nationalities Papers*. 2015. № 43 (3). P. 437–456.
- Lander J.* *A Critical Reflection on Oyu Tolgoi and the Risk of a Resource Trap in Mongolia: Troubling the “Resource Nationalism” Frame* // *The Journal of Law, Social Justice and Global Development*. 2013. № 2. P. 1–14.
- Mydar O., Jackson S.L.* *Contradictions of Populism and Resource Extraction: Examining the Intersection of Resource Nationalism and Accumulation by Dispossession in Mongolia* // *Annals of the American Association of Geographers*. 2019. № 2 (109). 361–370.
- Pedersen M.A.* *Not Quite Shamans: Spirit Worlds and Political Lives in Northern Mongolia (Culture and Society after Socialism)*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2011.

- Pieper M. The new silk road heads north: implications of the China-Mongolia-Russia economic corridor for Mongolian agency within Eurasian power shifts // *Eurasian Geography and Economic*. 2021. Issue 5–6. Vol. 62. P. 745–768.
- Pomfret R. Resource Management and Transition in Central Asia. Azerbaijan and Mongolia // *East-West Center Working Paper. Economics series*. 2011. № 118 (June). P. 3–33.
- Sanders A.J. *The People's Republic of Mongolia: A general reference guide*, New York: Oxford U.P., 1968.
- Smith S. Power of the People's Parties and a post-Soviet Parliament: Regional infrastructural, economic, and ethnic networks of power in contemporary Mongolia // *Journal of Eurasian Studies*. 2020. № 2. P. 107–116.
- Szmyt Z. History of nation and ethnicity in Mongolia // *Sensus Historiae. Studia interdyscyplinarne*. 2012. № 3 (VIII). P. 11–28.
- Waters H. Building Merit: The Moral Economy of Illegal Wildlife Trade in Rural Post-Socialist Eastern Mongolia // *Comparative studies in Society and History*. 2022. Issue 2. Vol. 64. P. 422–445.

References

- Amarsanaa, J. (2009). *Constitutionalism and Constitutional review in Mongolia*. Ulaanbaatar: National Legal Institute Press.
- Bashkuev, V.U. (2012). «Resource Boom» and Modern Challenges to Mongolia's Development Strategies (Based on Western Scientific Periodicals and Mass Media). *Cultural heritage of the peoples of Central Asia* (Issue 3, pp. 50–60). Ulan-Ude: BSC SB RAS Publishing House. (In Russian).
- Bulag, U.E. (2009). Mongolia in 2008: From Mongolia to Mine-golia. *Asian survey*, 49(1), 129–134.
- Bumochir, D. (2020). *The State, Popular Mobilisation and Gold Mining in Mongolia. Shaping 'Neoliberal' Policies*. London: UCLPress.
- Buraev, D.I., & Rodionov, V.A. (2017). Mongolia Presidential Election 2017: Foreign Policy Aspects. *Far Eastern Affair*, (5), 26–31. (In Russian).
- Delaplace, G. (2012). Neighbors and their Ruins: Remembering Foreign Presences in Mongolia. *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border*, pp. 211–234. London: Open book publishers.
- Domjan, P., & Stone, M. (2010). A Comparative Study of Resource Nationalism in Russia and Kazakhstan 2004–2008. *Europe-Asia Studies*, 1(62), 35–62.
- Ganbold, M., & Ali, S.H. (2017). The peril and promise of resource nationalism: A case analysis of Mongolia's mining development. *Resources Policy*, (1), 1–11.
- Enkhtuvshin, B., Kuras, L.V., & Tsibenov, B.D. (2013). Globalization and Traditional Cattle Breeding of Mongolian Nomads. *Humanitarian Vector*, (4), 235–243. (In Russian).
- Humphrey, C., & Sneath, D.A. (1999). *The End of Nomadism? Society, State, and the Environment in Inner Asia*. Durham: Duke University Press.
- Jackson, S.L. (2015). Imagining the mineral nation: Contested nation-building in Mongolia. *Nationalities Papers*, 43(3), 437–456.
- Lander, J. (2013). A Critical Reflection on Oyu Tolgoi and the Risk of a Resource Trap in Mongolia: Troubling the “Resource Nationalism” Frame. *The Journal of Law, Social Justice and Global Development*, (2), 1–14.
- Mikhalev, A.V. (2014). The daily routine of economic nationalism, or who owns Mongolia's gold? *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 5(17), 177–191. (In Russian).
- Mikhalev, A.V., & Rakhimov, K.K. (2023). Central Asia and the Struggle for the Soviet Legacy // *Russia in Global Affairs*, 1(119), 153–162. (In Russian).

- Mydar, O., & Jackson, S.L. (2019). Contradictions of Populism and Resource Extraction: Examining the Intersection of Resource Nationalism and Accumulation by Dispossession in Mongolia. *Annals of the American Association of Geographers*, (2), 361–370.
- Pedersen, M.A. (2011). *Not Quite Shamans: Spirit Worlds and Political Lives in Northern Mongolia (Culture and Society after Socialism)*. Ithaca and London: Cornell University Press.
- Pieper, M. (2021). The new silk road heads north: implications of the China-Mongolia-Russia economic corridor for Mongolian agency within Eurasian power shifts. *Eurasian Geography and Economic*. 62(5–6), 745–768.
- Pomfret, R. (2011). Resource Management and Transition in Central Asia. *Azerbaijan and Mongolia. East-West Center Working Paper. Economics series*, 118 (June), 3–33.
- Sanders, A.J. (1968). *The People's Republic of Mongolia: A general reference guide*, New York: Oxford U.P.
- Smith, S. (2020). Power of the People's Parties and a post-Soviet Parliament: Regional infrastructural, economic, and ethnic networks of power in contemporary Mongolia. *Journal of Eurasian Studies*, (2), 107–116.
- Szmyt, Z. (2012). History of nation and ethnicity in Mongolia. *Sensus Historiae. Studia interdyscyplinarne*, 3(VIII), 11–28.
- Waters, H. (2022). Building Merit: The Moral Economy of Illegal Wildlife Trade in Rural Post-Socialist Eastern Mongolia. *Comparative studies in Society and History*, 64(2), 422–445.

Сведения об авторе:

Михалев Алексей Викторович — доктор политических наук, директор Центра изучения политических трансформаций, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (e-mail: mihalew80@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7069-2338)

About the author:

Alexey V. Mikhalev — Doctor of Political Sciences, Director of the Centre for Political Transformations Studies, Buryat State University (e-mail: mihalew80@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7069-2338)